

Фото: © shutterstock

Колосс на глиняных ногах

Известный польский журналист Яцек Палкевич в своей новой книге «Дубай. Истинное лицо» развенчивает распространенные мифы о самом современном из всех миров, раскрывая истинное лицо храма роскоши – Дубая: рабские условия труда рабочих, отсутствие гражданских свобод и репрессии.

Дубай был городом моей мечты, – бодро начинает Рахман. Преодолевая дефицит английского языка, он рисует картину, на которую он купился. Со страниц рекламных брошюр манили сверкающие небоскребы, идиллические пляжи и, казалось, неограниченные возможности. Рекрутер, который пять лет назад появился в его деревне, заманил его обещаниями высоких за-

работков. Он заверил, что в Дубае можно заработать 450 евро в месяц, что ждут его там комфортные условия проживания и отличное питание. Предложение звучало экзотично и соблазнительно, нужно было только купить рабочую визу за 2500 евро. Рахман подсчитал, что легко сможет погасить долг в течение шести месяцев. Это была настоящая удача, как будто он вытащил счастливый

лотерейный билет и открыл дверь в лучшую жизнь. Он продал землю своей семье, взял деньги в долг у соседей, чтобы добраться до земли обетованной. Сегодня, после пяти долгих лет каторжной, опасной работы в условиях изнурительной жары и проживания в нечеловеческих условиях, говорит с горечью, что был обманут. Рахман, которому 28 лет, выглядит на десять лет старше, продолжает свою историю низким, срывающимся голосом: «Сразу же после прибытия работодатель забрал у меня мой паспорт, и с тех пор я его не видел. Сказали мне прямо, что я буду работать по 10 часов в день за 240 долларов в месяц, а если мне не нравится, то я могу убраться туда, откуда приехал. А как нет ни паспорта, ни денег на билет? Самое худшее это то, что я был по уши в долгах. У меня не было выбора, я был в шоке. Сын, дочь и жена, ее родители, все ждали от меня финансовой поддержки. И гордились, что я устроился на работу». Его глаза наполнены горечью и беспомощный взгляд выражает отчаянное одиночество. «Работа очень тяжелая, я ношу кирпичи и 50-килограммовые мешки с цементом. Самыми трудными являются те дни, когда работать приходится под палящим солнцем, от которого плавится асфальт. В это время местные жители вообще не выходят из своих кондиционированных домов. Здесь нельзя болеть, потому что тогда эти дни вычитаются из зарплаты. Не поверишь, за все эти годы я видел Дубай только из окна автобуса, который возил нас по маршруту дом-работа-дом. С трудом держусь, но я должен принять все условия, чтобы быть в состоянии поддерживать свою семью».

«И за все это время ты отсюда никуда не уезжал?» – «Я ездил домой два раза».

«Значит, тебе все-таки вернули твой паспорт?».

Рахман просто кивает головой: «Два раза я был дома. Там, конечно, никому не признался в том, как здесь. Приезжает автобус. Настоящая развалюха, напоминающая наши «огурцы» с шестидесятых годов, которые резко контрастируют на фоне гламура Дубая. Для того, чтобы занять место, надо сильно толкаться. Когда автобус со скрипом трогается, я начинаю восхищаться водителем, его мужеством – ведь эта груда металлолома в любое время может разлетаться на куски или загореться!»

«Что будет дальше?» – продолжаю я разговор с Рахманом. Молчит минуту, а затем, глядя в землю, смущенно говорит: «У меня нет выбора. И нечего терять, потому что в моей деревне люди живут на грани выживания. В прошлом году на одной стройке работники вышли на забастовку, потому что четыре месяца им не платили зарплату. Полиция применила водометы и арестовала лидеров протеста. Нам нельзя жаловаться, потому что мы полностью зависимы, мы живем в постоянном страхе потерять свои рабочие места и быть высланными из страны», – обрывается на полуслове, – «но перед этим, они тебя посадят в тюрьму. И что тогда будет есть моя

семья? Мы не имеем права протестовать, как мусульмане, мы можем только молиться за улучшение условий жизни».

После паузы он добавляет: «Я скучаю по своей семье, своей земле. В Бангладеш ты можешь возделывать кусок земли, а затем собрать урожай. Здесь же ничего не растет. Только нефть и небоскребы».

Мы едем молча. Из-под касок взирают на нас десятки изможденных осунувшихся лиц с тусклыми глазами и впалыми щеками. Наш рабочий автобус постоянно обгоняют различные суперкары, подчеркивая существующие противоречия. То какой-нибудь эксклюзивный Cooper цвета металлического золота, а через минуту космический Aston Martin CC100 Speedster, который стоит как минимум 700.000 евро, или в два раза больше за эксцентричный Maybach 62 Landulet. Контраст бьет со всей силой и высокомерием.

«Угнетенное и презренное человечество, подчиненное всемогуществу благополучия» – пишу я в своей записной книжке.

Автобус проезжает мимо аэропорта и все более неухоженными улицами района Muhaisnah добирается до огромного, с двух-, трехэтажными бараками рабочего поселка. Огороженная и охраняемая территория трудового лагеря была настоящим гетто иммигрантов. Одинаковые здания сразу же напомнили мне те, которые по сей день стоят в Вармии и на Мазурах. У нас они остались от совхозов, пережитки прошлого, когда людей массово вывозили в деревню, чтоб они там работали в животноводстве, растениеводстве, рыболовстве и переработке.

Автобус останавливается перед серым сегодня, грязным и полным подтеков, когда-то белым блоком. Лоджии закрыты сохнувшим выстиранными рубашками и брюками. Уставшие рабочие, по-прежнему не говоря ни слова, молча выходят из вонючего автобуса, и, сгорбившись, разбредаются по своим углам.

Ни квартир, ни апартаментов, только угол.

«Я живу здесь с одиннадцатью спутниками», – Рахман неохотно показывает мне тесную комнату с небольшим окном.

Он явно стыдится, как будто он отвечает за качество размещения. Условия являются возмутительными, нет места для шкафа, стола или даже стула. Одежду и несколько личных вещей запикивают в свободное место.

А ванная комната? В общем есть. Но одна на весь этаж.

Он показывает мне что-то, напоминающее польский привокзальный клозет тридцатилетней давности – чего мы больше всего стыдились, приглашая в страну людей с Запада. В ванной комнате плохо работает канализация, и она вся завалена экскрементами, притягивающими рой мух. Духота и вонь невыносимая. Конечно, о кондиционерах нет и речи.

Условия существования невообразимы – деградация жизни в тени богатого Дубая.

«Ночью стоит жуткий запах пота», – добавляет рабочий, – «Трудно уснуть здесь, иногда я иду на крышу, потому что там немного прохладнее. К тому же за нами постоянно следят. Смотри сам – показывает в окно. – Только осторожно. Те двое с левой стороны – это частная охрана от компании, но гораздо хуже, доносчики, которых полно в лагере. Поешь с нами?»

Первым желанием было отказаться, но это было бы оскорблением. Кухня представляет собой изолированный угол комнаты с многократно латаным-перелатанным полом, с четко выраженными дырищами и втоптаннами в него остатками пищи. Двухкомфорочная плита помнит дни, когда все друг друга знали в Дубае хотя бы в лицо. Но работает.

Сваренная в разбитом горшке каша по вкусу напоминает отвар из древесных опилок. В очередной раз поздравляю себя с тем, что в экспедиции на все континенты я всегда беру с собой консервы, чтобы не дегустировать местную кухню. А здесь в Дубае такой сюрприз!

Мои хозяева сидят молча, уставшие, едят кашу.

Сонапур является самым крупным и самым известным трудовым лагерем в Дубае. Похожих, хотя и гораздо меньших по размеру, много на периферии города. Этот гигантский «рабочий отель» был построен правительством и передан в аренду компаниям, которые заселили его своими работниками. Бесчисленные идентичные здания, разделенные канализационными трубами, дорожками из гравия, заваленные мусорными свалками, обеспечивают крышу над головой более ста тысячам

строителей. Это настоящий плавильный котел национальностей: индийцы, которых больше всего, пакистанцы, бангладешцы, непальцы, иранцы, иракцы. Среди песков пустыни только на расстоянии можно увидеть лес возвышающихся небоскребов и блеск богатства. Владельцы роскоши, однако, могут только предоставить тяжелую работу в жару, низкий уровень заработной платы и страдания. Условия существования невообразимы – деградация жизни в тени богатого Дубая. Туристы никогда этого не видят. Крайняя бедность Сонапура, ко-

торая, как ни странно, на хинди означает «Город Золота», может разоблачить миф о Дубае.

Обитатели барака готовят второе блюдо: жареный перец, лук, помидоры и рис. Сегодня я вижу у них пир. После еды, некоторые товарищи Рахмана, косясь на новенького, то есть на меня, идут спать в свои грязные ночлеги. Они засыпают почти сразу же, несмотря на жару и смрад. Они, должно быть, очень устали. Завтра у них день начнется в 4.30, надо умыться, съесть что-нибудь и через час сесть в автобус. Затем, не считая часового перерыва на обед, они будут работать до восемнадцати часов. Они вернутся домой около двадцати часов. И так в течение шести дней в неделю, круглый год.

Вдруг я заметил, что какой-то рабочий кивает мне. С шапкой на голове, чтоб быть менее заметным, я иду в соседний блок. Спускаюсь с ним в вонючий погреб. Вопреки ожиданиям, здесь в общем-то не прохладнее. Но запах как бы знакомый ...

За самодельной фанерной стеной вижу в свете фонаря пластиковый корпус и трубки знакомой формы. А на столе разместили простую винокурню. Ребята создали себе винокурню! Чья-то-то рука втиснула мне в руку металлическую чашку с подозрительной жидкостью. Не отказываюсь – вкус напоминает дешевую водку. Но хвалю, а что делать?

Большую бутылку, которую выносят из подвала, тут же опустошают двенадцать человек в известном мне бараке. В отличие от них, я не пьянею после трех глот-

ков. Но мне придется провести с ними время до завтрашнего утра. Никто не имеет права выходить отсюда за ворота без специального разрешения.

Усталые, немые мужчины спят как убитые. Ночь приносит немного прохлады. Утром разделятся, съедят что-нибудь и поедут снова на стройку. И так годами. Настоящий кошмар.

К сожалению, мне сон не прописан. Я захожу угол в коридоре, и выхожу в Интернет через мобильный. Пытаюсь убить бесценные часы. Кажется, что и я скоро задремлю. Тем временем я ищу тексты об аде, в котором я оказался.

10 марта 2015 года глобальные информационные агентства подхватили вслед за арабским телеканалом Аль-Джазира информацию о сотнях наемных рабочих из Арабской строительной компании (Arabian Construction Company), которые вышли в Дубае на улицы, перекрыв движение в центре города, чтобы, несмотря на репрессии и шантаж протестовать против низкой заработной платы, тяжелых условий труда, отсутствия оплаты сверхурочных и неадекватных продовольственных пайков. Начальник полиции Дубая генерал Хамис Маттар аль-Мазеина заявил потом: «Вмешательство полиции решило проблему после того, как сотрудники пообещали рассмотреть их требования».

В ОАЭ строительные фирмы, привлекающие на работу иммигрантов, имеют поддержку государства и пользуются правовой системой Кафала, которая практикуется во всех странах Персидского залива, как и в прошлом бывшими английскими колонизаторами. Это гарантия неразрывно связывает работника и работодателя, которая обеспечивает полный контроль над приезжими, наделяет частные компании полномочиями, в том числе, выдавать рабочие визы для своих работников и определять их правовой статус. Метод привлечения работников очень прост и напоминает покупку раба. Кадровое агентство в стране происхождения находит для кандидата на выезд работодателя, готового спонсировать иммигранта. Оно гарантирует властям, что человек будет соблюдать все законы, действующие в стране,

Рабочая сила Дубая во время часового перерыва на обед.

что автоматически обязывает его нести юридическую ответственность за работника, которого нанимает. Не удивительно, что работники лишаются свободы, у них отбирают паспорта и вынуждают их жить в условиях, похожих на рабские.

Такой закон допускает много злоупотреблений, потому что работодатель всегда может пригрозить депортацией рабочих, нарушающих установленные нормы. Кафала является аргументом, из-за которого почти восемь миллионов рабочих в странах всего региона, несмотря на униженные условия, не осмеливаются выйти на забастовку или принять участие в акции протеста, потому что в соответствии с действующим законодательством, создание профсоюзов также официально запрещено. Действующее в стране трудовое законодательство в подавляющем большинстве случаев встает на сторону работодателя.

Об эксплуатации масс мигрантов из бедных районов Азии – Индии, Непала, Шри-Ланки, Бангладеша, Индонезии, Филиппин, Сомали, Эритреи и особенно из Эфиопии, вынужденных бороться почти за все, что нужно для повседневной жизни, – начали потихоньку говорить уже в 1998 году. Шесть лет спустя, произошел первый крупный бунт. Несколько тысяч решительных рабочих смело промаршировали по главной улице города Шейха Заеда в направлении Министерства труда, где их остановили вооруженные полицейские подразделения. Никто не знает, каковы были последствия несанкционированной демонстрации в стране, где у мигрантов нет политиче-

Среди песков пустыни только на расстоянии можно увидеть лес возвышающихся небоскребов и блеск богатства.

ских и гражданских прав. Но так или иначе, тогда это никого не шокировало.

Азиаты теряли терпение, росло разочарование и росла решимость. Но по отношению к запрету демонстрации люди, приехавшие из самых бедных районов, осознавая последствия потери работы, имели право испытывать страх, прежде чем решиться на протест. Несмотря на это, они решили протестовать.

Небольшие митинги и забастовки из-за невыплаты вовремя заработной платы, плохих и небезопасных условий труда, отсутствия минимальных санитарно-гигиенических условий и питьевого водоснабжения в трудовом лагере повторялись еще несколько раз. Самое крупное выступление, которое было первым сигналом

организованного движения, произошло в 2006 году на строительстве Бурдж-Халифа. 2500 разгневанных рабочих напали на штаб-квартиру крупнейшей строительной компании в регионе Персидского залива, Arabtec, подожгли служебные автомобили, разрушили офисы, разбили компьютеры. Закончилось все тем, что зачинщиков бунта посадили в тюрьму, а несколько сотен человек депортировали из страны.

В середине ноября 2007 года, вскоре после того, как четыре тысячи строителей после волны демонстраций вернулись к работе на строительные площадки, дубайские газеты на первых полосах писали о том, что принц аль-Валид ибн Талал ибн Абдель Азиз Аль Сауд, приобрел для личного пользования самый крупный пасса-

жирский самолет, Airbus A380, который еще не имела ни одна авиакомпания мира. Мультимиллиардер преобразовал его в летающий дворец визиря с концертным залом, гаражом для Rolls-Royce и пятью спальнями для себя и двадцатью спальнями для гостей. Пресса отметила, что прихоть обошлась принцу более чем в пятьсот миллионов долларов. И ни слова о забастовке. Полное забвение.

Но мир все же узнал об этом. Тот факт, что там было так много протестов рабочих, само по себе было сенсацией, знаковым событием. Во время таких мероприятий трудно придерживаться повестки дня. Мировые информационные агентства стали интересоваться эксплуатацией наемных работников, не имеющих никаких трудовых прав. Большую роль в этом сыграла, в том числе, газета «Wall Street Journal», которая показала отчаянную борьбу за более достойные и гуманные условия труда и проживания наемных иностранных рабочих.

Несмотря на угрожающие последствия, протесты продолжались. В 2013 году телеканал Аль-Джазира сообщил о серьезной волне протестов иностранных рабочих, требующих повышения зарплаты на 50 процентов, а также обещанных им во время найма бесплатного питания. Серьезные волнения прошли также в районе гавани Джебель-Али, где четыре тысячи рабочих парализовали центральную артерию города. Демонстрации переросли в неконтролируемые беспорядки и уличные бои с полицейскими подразделениями. И на этот раз не без депортации сотен протестующих. В том же году, подобные мероприятия, только в гораздо более крупном масштабе, произошли в Саудовской Аравии, где в ответ на забастовки было депортировано 100 тысяч рабочих.

Кажется, я заснул. Кто-то тянет меня за руку, какой-то пакистанец. Это раннее утро. ★

(Отрывок из книги Яцека Палкевича «ДУБАЙ. Истинное лицо. (Издательство «Zysk i S-ka Wydawnictwo», 2016 г.) предоставлен автором.)

Яцек Палкевич (Jacek Palkiewicz) – итало-польский репортер-исследователь, член Русского географического общества и член Королевского географического общества в Лондоне. Им написано более 30 книг. В 1970 году он окончил факультет журналистики в Милане. Как журналист известных европейских изданий он опубликовал много захватывающих эксклюзивных репортажей о путешествиях. Используя свой исключительный опыт профессионального путешественника, основал первую в Европе Школу выживания.

THIS IS WHAT WE SHARE

FLANDERS &
THE NETHERLANDS

19–23 October 2016
**FRANKFURTER
BUCHMESSE**

Guest of Honour Flanders | Netherlands